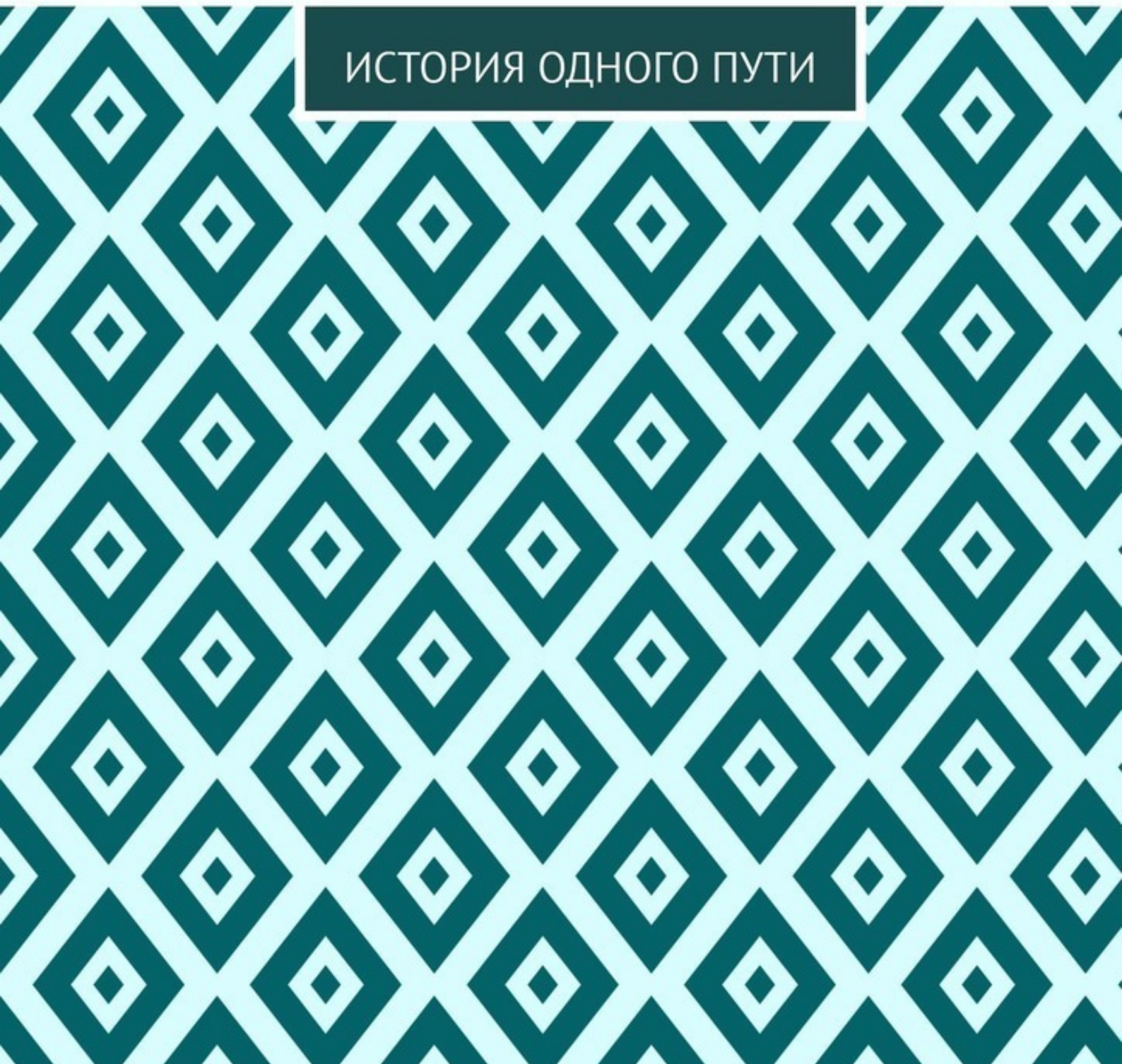


МАРИЯ ЛЕНЦ (СОЛОЗОБОВА)

Путь Лоэрна

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТИ



Мария Ленц (Солозобова)

Путь Лоэрна. История одного пути

«Издательские решения»

Ленц (Солозובה) М.

Путь Лоэрна. История одного пути / М. Ленц (Солозובה) —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510224-9

Фэнтези-новелла о молодом и талантливом, но внутренне одиноком маге, который с раннего детства намеревался твердо идти к своим высоким целям, руководствуясь врожденными дарами — развитой интуицией и мудростью. Пройдя через множество испытаний и переживя несколько горьких утрат, он все же не утратил самого главного — надежды. Новелла завершается открытым финалом.

ISBN 978-5-00-510224-9

© Ленц (Солозובה) М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Путь Лоэрна История одного пути

Мария Ленц (Солозобова)

© Мария Ленц (Солозобова), 2020

ISBN 978-5-0051-0224-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дождь упруго барабанил по сочной июньской листве, и воздух Ясного леса наполнялся остротой и приятной свежестью. Трое босоногих детей наперегонки бежали по влажной земле, прикрывая золотоволосые головы руками и мечтая поскорее добраться до заветного укрытия – маленького деревянного домика, совсем незаметного за раскидистыми деревьями.

Дождь не был холодным, но застал их слишком далеко от родной хижины, и все трое успели изрядно вымокнуть. Их легкая одежда неприятно липла к телу, а шалашик из сложенных рук служил ненадежной защитой от крупных тяжелых капель.

– Думаете... мама... дома? – пропыхтела худенькая зеленоглазая девочка, бросая косой взгляд на слегка отстающих братьев. – Думаете... она... будет... волноваться?

– Первое – нет, и второе – тоже нет, – флегматично отозвался один из них с прохладной усмешкой.

Второй поглядел на него с легким укором, но промолчал.

Детей звали Лаура, Лоэрн и Лао. Они были тройняшками и жили в домике лесной нимфы по имени Эллах, приходясь ей родными детьми, но не особенно чувствуя этого кровного родства. Эллах растила детей одна. Они были ее «случайными чадами», как она мысленно говорила сама себе, и поэтому – а может, по каким-то иным причинам – Эллах не слишком обременяла себя заботой о них.

Сейчас, когда дети наконец достигли родного порога и поспешно нырнули за незапертую дверь, они не обнаружили матери ни в кухне, ни в жилой комнате. Оставалось только гадать, где пережидает дождь на этот раз легкомысленная молодая нимфа. Лао вслух выразил надежду, что она отыскала себе более или менее надежное укрытие.

– Я хочу кушать, – надув пухлые губки, заявила Лаура.

Она с ранних лет привыкла, что братья пекутся о ней, и поэтому сейчас целиком возложила на них ответственность за свой внезапный приступ голода. Лоэрн молча достал из резного кухонного шкафчика кусок хлеба, весьма решительно хлопнув при этом дверцей, и протянул его сестре.

Лао, глядя на недовольное личико Лауры, глубоко вздохнул и успокаивающим тоном заверил:

– Через полчаса или час мы все вместе вкусно поужинаем. Я сварю овощи с зеленью. А пока что утоли свой голод тем, что дал тебе Лоэрн.

Лаура страдальчески скривилась и жадно впиалась зубами в краюшку хлеба. Лао немедленно принялся за приготовление пищи, а его брат уселся у окна и стал бездумно вглядываться в переплетение зеленых ветвей, которые были столь густыми и пышными, что закрывали собою свет.

Ужинали они тоже втроем.

Эллах пришла домой лишь поздно ночью, почти не промокшая и пылающая от знакомого детям счастливого возбуждения. Она долго смотрелась в старое настенное зеркало перед тем, как улечься спать, и даже не проверила детских постелей, лишь мимолетно прислушавшись к мерному сонному дыханию (у лесных нимф острый слух).

Сердце Эллах было переполнено впечатлениями от очередной нежной и трепетной встречи, и чувство материнского долга, как это всегда бывало с ней в таких случаях, привычно отступило на второй план.

– На этот раз я точно буду счастливой, счастливой... – шептала молодая нимфа, засыпая в своей неопрятной постели.

На душе у нее было легко и светло. И ничто на свете, казалось, не могло затмить для нее ослепительного сияния еще не наступившего, но такого близкого и возможного счастья.

2

На самом деле, Эллах, хоть и заслуживала порицания, не была ни бессердечной, ни злой. Она по-своему любила своих «случайных чад», но ее сердце было недостаточно глубоким, чтобы вместить слишком много этой любви. Большая часть этого сильного чувства была давным-давно растрачена на некоего проезжего мага, знакомство с которым продлилось всего полторы недели, но, тем не менее, оставило в душе Эллах неизгладимый, болезненный след.

Конечно, она тогда была для него всего лишь кратковременной забавой, но он сам... О, он стал для нее едва ли не всем, и поэтому их внезапная разлука нанесла прекрасной нимфе глубокую сердечную рану. Рана эта с годами не зажила и порой принималась заново кровоточить, когда Эллах бросала взгляд на одного из своих детей. Поэтому, возможно, она не слишком любила уделять им время, довольно эгоистично оберегая свою душу от болезненных воспоминаний.

Эллах никогда не рассказывала им об их отце, она даже мысленно не произносила больше его имени... А многочисленные новые романы, длившиеся немногим дольше, были всего лишь попытками найти «ему» равноценную замену – попытками неудачными, но приносившими ей недолговременное утешение.

В этом тоже проявлялся ее природный, почти детский, эгоизм.

Итак, дети были почти всецело предоставлены сами себе, и они довольно рано с этим смирились. Вместе или поодиночке, они с ранних лет свободно бегали по лесу, возвращаясь домой лишь на обед или на ночлег. Стоит заметить, что обед чаще всего готовил умелый и мягкосердечный Лао, и это тоже быстро вошло в привычку.

Вообще Лао был привязан к матери чуточку больше и про себя часто выражал сожаление, что не может проводить с нею больше времени. Но повлиять на отношение Эллах к ее материнству он был не в силах, поэтому ему оставалось лишь горькое, но мудрое смирение. А еще – забота о легкомысленной и капризной Лауре, которая была до невероятного похожа на свою мать – как внешне, так и характером.

Лоэрен смотрел на все это несколько иначе. Он слишком рано понял, что тепла и заботы в его семье будет недостаточно, и, приняв этот факт, как данность, погрузился в себя. Он не был большим эгоистом от природы, но какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что в нем самом таится большой потенциал, и Лоэрен был с детства захвачен мечтой достойно его реализовать.

На самом деле, от отцовского могущества ему досталась самая большая часть, но он понял это несколько позже – когда для всех троих настало время выбирать свой собственный путь.

Да, всем троим были по наследству даны щедрые, но опасные дары, которым лишь предстояло раскрыться, словно бутонам весенних цветов. И в каждом из них дремало предчувствие

собственной судьбы – правда, неявное, скрытое слишком глубоко, чтобы заранее знать окончание своего пути.

Впрочем, любой путь тем и хорош, что его окончание для нас неизвестно. Любая жизнь – это туманная тайна. Все мы раскрываем ее постепенно, словно листая книгу, страница за страницей. И иногда лишь последняя страница дает нам ответы на все наши многочисленные вопросы, которые мы так нетерпеливо задаем своенравной госпоже Судьбе.

3

Вытащив из печи горячий брусничный пирог, Эллах поставила его на стол, отряхнула руки и с какой-то загадочной, непредсказуемой улыбкой посмотрела на своих детей.

Сегодня ее «чадам» исполнялось тринадцать – цифра довольно значительная и в некоторой степени символическая. Тем не менее, тройняшки были несколько удивлены, что их мать потратила время на праздничный пирог. Это не было семейным обычаем.

– Ну вот, теперь вы совсем взрослые, – медленно проговорила Эллах, не переставая улыбаться. – Я думаю, что для вас троих настало время упорхнуть из теплого гнездышка.

Лицо Лауры вытянулось. Брови Лао недоуменно приподнялись. И лишь ЛоэРН ответил матери спокойным, почти удовлетворенным хмыканьем. Он этого ожидал. Он это предчувствовал.

– Мама... но... ты же не хочешь сказать... – пролепетала перепуганная Лаура с беспомощным видом, который вызвал легкое раздражение у нимфы.

– Да, хочу, мое золото, – перебила она мягко, но решительно. – Я считаю, что вы уже достаточно подросли, чтобы покинуть родной дом и начать жить своей отдельной жизнью. В этом нет ничего ужасного, таков порядок вещей.

Эллах задержала взгляд на лице Лоэрна, словно искала у него поддержки, но мальчик лишь усмехался и молчал. Вместо него заговорил Лао.

– Мне кажется, мама, что это верное решение, но Лаура... – он нерешительно сглотнул, – Она могла бы остаться с тобой и быть тебе хорошей помощницей...

– Ах, ерунда! – прервала мать, нетерпеливо взмахнув рукой. – Мне не нужна помощь. А Лаура достаточно умна и умела, чтобы найти место служанки в городе. Вы все одного возраста, так не обижай же свою сестру!

Лао вовсе не хотел обидеть бедную Лауру – напротив, он жаждал вступить за нее, но объяснения были бы бесполезны. Решение уже было принято. И Лаура смирилась с этим со свойственным ей легкомыслием.

– Хорошо, мама, как ты скажешь, – она равнодушно повела плечами. – Ведь, в конце концов, мои братья будут со мной... Да?

– Мы решим это позже, – сухо вато откликнулся ЛоэРН. – Давайте поедем пирога! – предложил он запросто, словно это не его судьба только что решилась.

Эллах радостно закивала и, с облегчением выдохнув, принялась раскладывать пирог по щербатым тарелкам.

Лао молча следил за каждым ее движением, и в его глазах была затаенная печаль.

Они решили довольно быстро: все трое отправятся в близлежащий город. Лаура устроится младшей служанкой в большую таверну, Лао поступит в ученики к старику-знахарю, а Лоэрн... О, Лоэрн давным-давно для себя все решил! Он станет великим магом, но для начала отыщет того, кто будет готов его наставлять – как и Лао, в обмен на помощь по дому.

Лоэрн к тринадцати годам был твердо уверен, что его дар, полученный в наследство от отца, должен со временем превратиться в настоящее могущество. У него были все предпосылки к этому: тяга к знаниям, усидчивость, амбициозность... и, прежде всего, предчувствие, которое его очень редко обманывало.

Город был небольшим, и они устроились в нем так, что могли относительно часто видеться. Лао и Лаура и вовсе поселились поблизости – волей счастливого случая. Это успокоило их обоих, да и Лоэрна тоже, ведь он знал, что, благодаря Лао, заботы о легкомысленной сестре будут нечасто отвлекать его от его занятий.

Учитель Лоэрна – нелюдимый чудаковатый старик – вовсе не походил на наставника Лао. Он с самого начала отнесся к мальчику с холодной снисходительностью, которая порой болезненно язвила его самолюбие. Но в то же время он совершенно не заботился о нем, как о ребенке, и это наводило на мысль, что временами он видит в нем равного.

Лоэрн понимал, что Векха – так звали его учителя – далеко не самый сильный маг и не самый большой мудрец. Но у него была обширная старая библиотека, благодаря которой ученик мог самостоятельно двигаться по пути познания. Это он, собственно, и делал – тогда, когда Векха наконец прекращал терзать его мелочными хозяйственными поручениями.

Кроме того, Лоэрн имел хорошее чутье и знал, что это – лишь этап его обучения. Возможно, непродолжительный, но все же необходимый. И он был настроен на то, чтобы извлечь из него всю возможную пользу – с присущей ему недетской мудростью и практичностью.

У Лао и Лауры были несколько иные планы на будущее.

Лаура не заглядывала далеко вперед, но со временем надеялась удачно выйти замуж и этим решить все свои проблемы. Она, будучи с детства предоставлена самой себе, была сносной хозяйкой – и могла стать редкостной красавицей, если сходство с матерью не будет утрачено по мере взросления. Ее магический дар пока что дремал внутри нее, как тлеющее пламя, и она не слишком забивала себе голову размышлениями о нем. Были вещи за гранью ее понимания, в которые Лаура вовсе не стремилась вникнуть.

Лао лелеял в душе надежду овладеть лекарским мастерством настолько, чтобы быть способным облегчать недуги страждущих, таким образом реализуя свою врожденную потребность помогать другим. У него были все задатки хорошего лекаря: терпение и мягкость, заботливость и внимательность, а также довольно острый ум.

Его учитель всячески развивал в нем эти качества, не имея другого достойного преемника и вообще близкого человека, которому мог бы в полной мере передать свои знания. Можно сказать, что удача улыбнулась Лао – улыбнулась той материнской улыбкой, которую он так редко видел на лице Эллах.

Они с Лаурой виделись каждый свободный день – когда он совпадал для них обоих – и вскоре Лао с облегчением понял, что его сестра достаточно самостоятельна, чтобы с успехом обосноваться на новом месте. За Лоэрна он тоже больше почти не тревожился – тот, казалось, совсем ушел в свои книги, забыв обо всех прочих заботах.

Они пересекались раз в две недели, и Лоэрн почти ничего не рассказывал брату, но глаза его горели таким глубинным огнем, что Лао понимал: Лоэрн твердо знает, чего хочет. Для некоторых этого оказывается вполне достаточно, чтобы преуспеть. Правда, всему свое время, и ничто не приходит к нам сразу...

4

Векха вовсе не был хорошим наставником, но он научил Лоэрн одному ценному качеству – терпению. Его вечная брюзгливость и бесконечные «подай-принеси-сбегай» давно доконали бы любого подростка, но Лоэрна они лишь закалили.

По сути, он в тот период своей жизни был не учеником мага, а домашней прислугой. Днем он исполнял нескончаемые поручения, а ночью жадно читал – читал до тех пор, пока сон не сваливал его с ног, как мертвого. О магии они с Векхой говорили хорошо если в неделю раз, и то «учитель» ограничивался тем, что показывал Лоэрну один из тех простых трюков, которыми мальчик овладел самостоятельно еще в детстве.

Однажды ученик осмелился признаться в этом – и получил такую славную затрещину, что у него искры из глаз полетели. Это научило Лоэна еще одной хорошей черте – молчаливости.

Тем не менее, несмотря на все мыслимые и немыслимые преграды, магический дар Лоэрн возрастал с каждым днем, и это вызывало у бездарного Векхи глухое раздражение. Он давал выход этому чувству, все больше загружая ученика домашними делами, и вскоре Лоэрн совсем утратил понятие свободного времени. Его встречи с братом и сестрой стали исключительно редкими, что тревожило первого – и ничуть не заботило вторую.

С Лао все обстояло с точностью до наоборот. Его учитель был добросердечен, мягок и внимателен. Он видел в ученике прежде всего доброго друга и опору в старости, и уже потом – подначального и помощника. Между ними сложились очень теплые отношения, отчасти компенсировавшие Лао нехватку материнской любви. И его доброе, чуткое сердце стало еще добрее под этим благотворным влиянием.

Лаура научилась недурно справляться со своей ролью служанки. Умелая и расторопная, она находила время и для работы, и для отдыха и веселья. С каждым днем ее нежная красота расцветала, обнаруживая все больше внешнего сходства с Эллах. Но душой Лаура оказалась не совсем такова. Женским чутьем она рано угадала несчастливость материнской судьбы и совершенно не желала для себя ее повторения. Лауру привлекали стабильность, тепло семейного очага... и богатство.

Поэтому с годами она сделалась чрезвычайно разборчива в кавалерах, а до поры до времени берегла себя для того единственного, кто окажется достоин принять дар ее юности и красоты. Это создало ей репутацию «привереды» и «недотроги» с одной стороны – и очень честной, порядочной девушки с другой.

Сама она всегда была о себе довольно высокого мнения. Возможно, поэтому у Лауры совсем не было подруг.

5

Накануне своего пятнадцатилетия Лоэрн стал ощущать неясное беспокойство. Его тянуло сорваться с места с насиженного места и начать новый этап своей жизни, но нужен был какой-то толчок извне, и он не замедлил случиться.

Старый брюзгливый Векха вдруг стал непривычно добр к своему ученику – той лицемерной показной добротой, которая сильно отталкивает, когда ты чувствуешь ее неискренность. Лоэрн попытался, раз или два, проникнуть в мысли учителя, но в его голове царил слишком большой беспорядок. И все же кое-что Лоэрну удалось прочесть.

Это была зависть. Ядовитая и жгучая зависть к нему, такому молодому и талантливому. Следовало ждать беды и быть настороже.

Лоэрн знал, что существует ритуал, позволяющий забрать вместе с жизнью силы более слабого мага, но в их непрочном тандеме более слабым был Векха, так что ученик мог быть спокоен на этот счет.

Однако существовали иные, менее оригинальные способы убийства, и Векха весьма предсказуемо выбрал самый простой из них – яд. Лоэрн нашел в комнате старика подозрительную мутную склянку ровно за день до своего пятнадцатилетия, но ничем не обнаружил своего открытия и стал втихомолку готовиться к уходу. (Не из жизни, конечно же – всего-навсего из города.)

Он сдержанно и спокойно попрощался с Лао и Лаурой, сообщив им, что для него настало время двинуться дальше вперед. Лао принял это смиренно, Лаура – равнодушно. В их жизнях пока не намечалось больших перемен, но они их и не особенно жаждали.

Итак, в ночь перед своим днем рождения Лоэрн, слегка терзаемый голодом и жаждой, тихо покинул ветхий дом бездарного старика-мага и отправился в Столицу. Он еще не знал точно, что будет делать на новом месте, но его душу согревало хорошее предчувствие. С собой Лоэрн унес лишь маленький узелок с вещами и пару любимых книг. Он полагал это справедливой компенсацией за покушение на его жизнь.

Очень скоро Векха пропал из его памяти, растаяв, точно призрак. Осталось только то небольшое, чему Лоэрн научился благодаря ему: терпение, молчаливость, осторожность. Осторожность была, пожалуй, важнее и полезнее прочего – в этом Лоэрн не раз убедился впоследствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.